

— Письмо от Димы от 22 февраля 1978 г.

Ленинград.

Дорогой Сашок!

— За это время я успел отстреляться на военных сборах, съездить в Новгород и основательно поболеть гриппом. Во время болезни читал писателя, которого ты мне когда-то рекомендовал: Валент. Распутина (1). Без сомнения, это чрезвычайно талантливый писатель. Настоящая, даже редкостная литература.

— (1) *Я в одном из писем Димале делился своими впечатлениями о "Последнем сроке" Распутина - вещи, нечаянно открывшей мне этого писателя.*

— Но за всеми этими делами запустил и свои занятия и лекции. Теперь надо навёрстывать. Курс логики я начал с краткого обзора философии, но так увлёкся предметом, что растянул его. Придётся самое логику гнать бешеным темпом. Сегодня вот четыре часа подряд читал о Платоне. Стараюсь поинтересней. Но трудно. Трудно остро почувствовать радость Ломоносова при виде электроразряда или славу Уатта с его поршневым двигателем, когда привык пользоваться электричеством и привык даже не следить за очередными космонавтами. Так же трудно христианину, живущему утончёнными догматами Церкви и принимающему как обыденный факт всё её духовное богатство, прочувствовать предельную гениальность Платона - первооткрывателя умопостигаемого мира. Но стараюсь - по любви к Платону. На очереди Аристотель, там пара слов о Плотине и о схоластиках, и хватит. Больше никакой философии. Тем более, что всё остальное принципиально ничего нового не внесло.

— Как я счастлив, что хоть под старость лет, наконец, могу в аудитории свободно говорить на любые темы. И так, как мне это хочется, без оглядки на то - можно или нет, не сказать бы чего лишнего. Церковь - остров свободы во всех смыслах. Сначала меня это удивляло, но теперь я к этому привык, - к невиданному в светских учебных заведениях свободным отношениям учеников к профессору. И в школе, и в университете, за редким исключением, один вещал - остальные внимали. Здесь же на лекциях студенты постоянно бунтуют, даже мало взирая на лица, даже если профессор - архиепископ. Часто поднимается невообразимый гам, но никогда не бывает хамства. И ещё: только что студент горячо спорил с этим самым епископом, обвиняя его чуть ли не в безбожии, - и тут же, через минуту, после звонка с урока и молитвы он склоняется перед ним же, своим высокочтимым святителем, в глубочайшем поклоне и, испрашивая благословение, от души произносит "εις πολλα ετη, δασλοτα ". В миру такое невозможно.

Через пару дней делать доклад на семинаре по догматике на скользкую и сложную тему: *communicatio idiomatum*, то есть общение свойств (божественной и человеческой природ) во Христе. Моя бы воля, я запретил бы всякие рассуждения на такие темы. Для догматики вполне достаточно знаменитого Халкидонского ороса - определения IV Вселенского Собора о том, что природы в Лице Христа соединены "неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно". Эта четвёрка отрицательных определений вызвала первый великий раскол в Церкви. Но как замечательно, что они апофатичны, т.е. отрицательны. Догматы вообще все апофатичны, если и не по букве, то по духу. Они, указывая на то, что не есть Бог, как бы запрещают нам определять, что есть Бог, ибо сей предмет неопределим. В пределе (а так и утверждали многие св. Отцы) даже "определение" "Бог есть ничто" есть интеллектуальное кощунство.

Ну, до 2/III, если будем живы,
твой Дима.

—Первого марта я отправился самолётом в Ленинград на защиту Аллочки. Диме я предварительно сообщил телеграммой, что буду у него первого вечером. Прилетел я где-то около шести вечера, но раньше девяти и не думал у него появляться, так как знал из его писем, что он поздно возвращается домой из Академии.

—Не видел я его по меньшей мере со времени нашей поездки с Сашулей по Прибалтике и в Ленинград в 1973-м году. Кажется, тогда мы были с Сашулей и Ляцкими у него в гостях, Юра тогда был ещё, который умер потом из-за болезни почек. Но, возможно, что это было и раньше. Значит, не виделись мы с Димулей лет пять, а то и больше.

—Теперь я мучился проблемой - брать спиртное или нет?

—В былые времена Димуля пил вместе со всеми всё, что угодно, не отставая ни от кого из нас, но как теперь?

—На всякий случай я решил прихватить с собой сухого, а там видно будет. Из аэропорта в центр города, на Невский я добрался часам к семи, вышел из метро у Гостиного двора и первым делом зашёл в Елисеевский за вином. Однако винный отдел там ликвидировали - был как раз разгар очередной кампании по борьбе с алкоголизмом. До площади Восстания мне попался всего один винный магазин и тот был уже закрыт - работал до девятнадцати. Наконец, где-то за Московским вокзалом, проконсультировавшись у отчётливых алкоголиков, я нашёл в переулке между Суворовским и старым Невским проспектами магазин, переполненный страждущим народом, где торговали вином до двадцати одного часа. Я взял две бутылки по 0,7 л белого сухого вина, засунул их в портфель и отправился потихоньку добираться к Диме в сторону моста Володарского на Народную улицу.

—У дверей двухкомнатной квартиры на первом этаже пятиэтажки, где Дима жил со своей соседкой, старушкой (впрочем, не такой уж старой, просто пожилой женщиной), я появился в начале девятого.

—Звоню.

—Открывает сам Дима.

— - Сашок! - радостно приветствует он меня, обнимает, целует.

— - А ты всё такой же, нисколько не изменился! - восклицаю я, действительно удивлённый тем, что Дима выглядит, как и прежде, юношей, стройным, симпатичным, короткая стрижка, по-домашнему в летних брюках, в футболке с короткими рукавами, только вот крестик на тонкой цепочке на шее - новая деталь, но это сейчас многие носят, просто так, для красоты.

— - Да и ты такой же, ничуть не постарел. Молодец! Ну, давай, раздевайся, мойся, можешь душ принять, если хочешь.

—Когда я, умывшись, прошёл в его комнату, Димуля достал из шкафа бутылку красного сухого и разлил вино в приготовленные на столе бокалы.

— - Первым делом, давай выпьем сразу - за встречу! Очень рад тебя видеть.

— - Я тоже.

—Мы выпили по бокалу.

— - А сейчас подожди минуточку, я принесу закусить. Ты голоден, наверное?

— - Да нет, не особенно. Курить можно?

— - Кури, конечно. Я сам дома курю. Беломор, правда.

—Через пять минут на столе стояли тарелки с сыром, ветчиной, горячей варёной картошкой с маслом. Пока Дима хлопотал с этим, я огляделся. В его маленькой комнате, где я часто бывал прежде, на первый взгляд мало что изменилось: прибавилось книг, целый стеллаж большой появился. Набросанный мною когда-то очень давно Димулин профиль по-прежнему украшал стенку шкафа у стола.

—Я достал свои бутылки и в качестве презента - полкилограмма кофе в зёрнах, который перед этим как раз подорожал сразу в пять раз, надеясь, что Димуля не разлюбил ещё чёрный кофе, которого мы с ним в былые времена цистерну, наверное, выпили по университетским кофейням.

— Мы сидели, пили, ели, курили и болтали как в те кофейные времена. Дима много расспрашивал меня о нашей жизни в Калининграде, о Сашуле, детях, Гостреме. Я отвечал, и не знал как самому перейти к вопросам. Вопросов у меня было много, но задавать их я почему-то стеснялся, даже вино не расковывало меня как обычно.

— А время шло уже к полуночи. Наконец, я решился.

— Димуля, ведь я же совсем не знаю, как ты попал в Академию и вообще... как ты стал верующим?

— Очень просто, Сашок. Ты знаешь, наверное, что я подрабатывал сторожем в Успенском соборе, просто из нужды - на стипендию аспирантскую разве проживёшь? Посматривал, чтобы не безобразничали во время служб - народ всякий ведь ходит, много любопытных просто, хулиганы даже бывают, редко, правда. Иной раз и спереть чего-нибудь норвят. Работа нетрудная, в удобное для меня время, и платили хорошо.

— И, конечно, я волей-неволей прислушивался к тому, что говорят священники в церкви, к молитвам, песнопениям... и ничего не мог понять. И это меня раззадорило, если хочешь, - как же так? Тысячелетие существуют эти слова, эти тексты, потрясавшие и потрясающие миллионы людей, являющиеся неотъемлемой частью культуры, нашей, русской и общечеловеческой, а я, образованный вроде человек, глух к ним, ничего понять не могу, абракадабра какая-то. И я захотел понять. Попытался вникнуть.

— И проникся?

— Не сразу, конечно. Вначале был просто интерес. Чем больше я узнавал или понимал чего-то, тем интереснее было двигаться дальше. И мне ужасно повезло - я познакомился с отцом Никодимом. Это величайший человек. Он многое открыл мне, поддержал меня, когда мне было очень тяжело, и морально, и физически.

— И ты поверил в Бога благодаря беседам с ним?

— Отчасти это так, но лишь отчасти. Это очень трудно передать. Я не могу назвать день, когда Откровение дано было мне. Всё происходило постепенно, и я сам не заметил, как существование Бога стало для меня самоочевидной истиной. Но когда я осознал это, то тут же явилось и желание поступить в Академию. Отец Никодим поддержал меня в этом желании. Поступал я на общих основаниях. Год меня не отпускали с кафедры, ну да это ты уже всё знаешь.

— И ты счастлив?

— Теперь только и счастлив, хотя я и не знаю точно, что это такое.

— Этот короткий Димулин рассказ, конечно, не мог удовлетворить меня. Он мало что разъяснил мне. Вот прозвучали слова - Бог, вера. А что это такое? О чём идёт речь? Ведь у меня об этих понятиях довольно смутные представления и стыдно в этом признаться. Не спросишь же:

— А что такое Бог?

— Или:

— А как это ты веруешь?

— Но если не спросишь сейчас, то когда же? Никогда? Жил без этого и дальше проживёшь?

— Но разве на такие вопросы можно дать сразу исчерпывающие ответы, после которых у меня не возникли бы новые вопросы?

— Ну, что Сашок? Будем спать ложиться? Мне завтра полшестого вставать. У Аллочки во сколько защита? В полчетвёртого? Я постараюсь подойти. У нас завтра день не совсем обычный: приезжает по случаю двухсотлетия Академии Каталикос грузинской православной церкви. Будет концерт силами воспитанников семинарии и Академии, я тоже буду петь в хоре. Начало в двенадцать. Правда, будет ещё и торжественная часть, приветствия, но, надеюсь, к трём всё кончится. А ты не хотел бы посмотреть всё это? Какие у тебя планы на утро? Ты же не был в Академии, у нас вход свободный, приходи, если захочешь.

— С огромным удовольствием! Только где это, я не знаю.

— Сейчас я нарисую тебе план. Доедешь до площади Александра Невского и от метро обходи по правую сторону площадь, пока не дойдёшь до забора Лавры, а там вдоль забора и через парк выйдешь к Академии. Спросишь, в крайнем случае, а у Академии я тебя встречу. Приходи к полдвенадцатого.

— Договорились.

— Димуля постелил мне на диванчике, себе на полу, пожелал мне спокойной ночи, и, несмотря на выпитые вино и кофе, всегда меня сильно возбуждающие, я сразу уснул.

— Проснулся я часов в девять. На кухне я нашёл заботливо приготовленные Димулей для меня бутерброды на завтрак, оставалось только сварить кофе. Я чувствовал себя бодрым и свежим, а вот как Димуля? Не выспался, наверное. И каждый день ведь в такую рань встаёт. Приняв душ, позавтракав и полистав книги, я загодя отправился в Академию, чтобы наверняка не опоздать.

— Едва я вышел из метро на площади Александра Невского, как увидел Димулю, спешащего ко мне навстречу через Старый Невский.

— Я решил всё-таки встретить тебя, чтобы ты не плутал. Пойдём.

— До Академии от площади оказалось минут пять ходьбы через нечто вроде небольшого парка на участке территории между Лаврой, Невой и Обводным каналом. На обращённом в сторону Невы фасаде довольно большого жёлтого здания, удалённого от набережной за решётку и огромные старые деревья, две красные вывески под стеклом: "Ленинградская духовная семинария" и "Ленинградская духовная Академия".

— Мы здесь не одни это здание занимаем, - пояснил мне Дима. - С той стороны ПТУ какое-то.

— Вошли и сразу налево вниз в полуподвале - гардероб.

— Вешай здесь свой полушубок и подожди меня, я сейчас переоденусь.

— Первое помещение в гардеробе, проходное, с вешалками для посетителей. Следующее, в глубине - для воспитанников и преподавателей, там бабка сидит, гардеробщица. Через пару минут оттуда вышел Димуля в своём рабочем, так сказать, облачении, в спецодежде - подряснике. Это такое чёрное платье со стоячим воротничком, облегаящее тело выше талии, а ниже свободно ниспадающее до пола. И надо сказать, стройному и красивому Димуле это одеяние очень идёт, мне сразу понравилось. Да и на других оно хорошо смотрится, так как обладает удивительным свойством скрадывать дефекты фигуры, а достоинства, напротив, подчёркивать. Продуманный фасон. Скромно, строго и торжественно. Воспитанникам, кстати, позволено и в цивильном платье находиться в Академии, но не во время служб только.

— По лестнице мы поднялись на первый этаж. Я немного робел, стеснялся своего костюма и галстука, но вскоре заметил, что есть и другие в обычном платье. Димуля же раскланивался налево и направо в основном с молодыми людьми в таком же, как и он, одеянии. Все они казались мне как на подбор симпатичными. Столь же приветливо они раскланивались с Димулей, обменивались с ним приветственными фразами и, что очень успокаивающе и ободряюще подействовало на меня, посматривали на меня доброжелательно, как будто даже ласково, как на своего знакомого, без тени недоверия или подозрительности.

— Вот направо - ректорские покои. Он и живёт здесь. Пройдём, если хочешь.

— Мы вошли в небольшой удлинённый зал или широкий коридор, стены которого были увешаны портретами деятелей Церкви и Академии.

— Это приёмная. А за этой дверью жилые помещения. Пойдём, теперь покажу нашу церковь.

— Мы поднялись этажом выше.

— Здесь только воспитанники и преподаватели молятся?

— Нет, отчего же. Любокой желающий. Все верующие, которые живут поблизости. А некоторые и издалека ездят, университетские, например, часто бывают.

— Затем мы прошли по классам, обставленным дряхлой довольно мебелью. Чем-то

они напомнили мне аудитории физфака и истфака в старых помещениях ЛГУ на Васильевском острове. В одном из классов курчавый бородатый парень чистил аквариум.

— Ну, как твои рыбки? - спросил Дима.

— Да вот, "кардиналы" помирали все, - парень, однако, произнёс это не огорчённым тоном, а с весёлой улыбкой, обнажившей прекрасные белые зубы.

— Это грек, хороший очень малый, - сказал мне Дима, когда мы вышли из класса. - У нас ведь много иностранцев, особенно в семинарии, и из Штатов, и из Африки, отовсюду, где православные церкви есть, готовим попов для них.

— Заглянули в библиотеку с небольшим читальным залом, загромождённым массивными столами.

— Здесь много древних рукописей. У нас историки любят работать. А это трапезная. - Дима показал на помещение, через открытую дверь которого видны были длинные столы, накрытые клеёнкой, на них расставляли посуду. - Пища простая, но здоровая, и готовят хорошо. Любой может зайти и есть, если хочет.

— В коридорах висели стенды с фотографиями, отражающими историю и современную деятельность Академии. На одной из фотографий, сделанной, видимо, сразу после войны, - группа священников, у некоторых из них грудь украшали боевые ордена и медали, на другом фото - поп-партизан с автоматом.

— После революции Академия была закрыта, а открыли её вновь уже после войны в знак признания патриотических заслуг Русской православной церкви в борьбе с фашизмом. В годы войны к церкви многие обратились, и церковь, как могла, поддерживала дух народа. Это признало и оценило и советское правительство, - комментировал фотографии Дима.

— Отдельная витрина была посвящена новостям культурной жизни Ленинграда, где указывалось, с чем рекомендуется познакомиться воспитанникам, например, со спектаклем "Дом", поставленным по Абрамову в одном из театров.

— В заключение экскурсии Дима провёл меня в Актовый зал, на стенах которого в окружении портретов митрополитов имелись и скромные, но писанные маслом портреты власть предержащих - Брежнева и Косыгина. Зал уже начал понемногу наполняться. Большинство составляли воспитанники в подрясниках, но немало было публики и в светском платье, больше молодых и женщин всех возрастов.

— Здесь преподавателей много. Эти вот дамы - языки преподают. А вон тот дяденька - из комитета по делам религий, на всех заседаниях присутствует как представитель властей. Конституцию СССР преподаёт у нас. Добрый в общем-то дядька, безвредный. Ну, я пойду. Скоро начнётся. Правда, каталикос ещё не приехал, вот-вот будет.

— Когда Дима отошёл от меня, сидевшая неподалёку дама лет пятидесяти под села ко мне и спросила:

— Дима - Ваш знакомый?

— Да, мы учились вместе в университете.

— О, это очень талантливый человек. Очень. И в языках, и вообще. Он очень далеко пойдёт.

— Не сомневаюсь.

— Среди сидевших в зале я заметил несколько девушек в одеянии воспитанниц. Дима говорил мне, что у них есть и женские классы, где готовят преподавателей пения для семинарий.

— Зал уже наполнился, но высшее духовенство задерживалось. Наконец, процессия появилась. Она состояла из осанистых мужчин с пышными бородами, в клобуках, рясах, с массивными крестами на груди. Среди них были и отец Никодим - Митрополит Ленинградский и Новгородский, Председатель Всемирного Совета Церквей, и Кирилл - ректор Академии, совсем молодой ещё, тридцати с небольшим лет, и Каталикос грузинский - забыл его имя.

— Все в зале поднялись со своих мест и тихо стояли.

— Помолитесь, братие! - раздалось откуда-то со стороны сцены. Началась молитва. Я было опять почувствовал себя неловко, как в самом начале. Большинство вокруг меня молилось негромко вслух и крестилось, но не все, у некоторых только губы шевелились, а некоторые просто стояли молча, и я успокоился.

— После молитвы вошедшие расселись на оставленных свободными для них местах в двух первых рядах. На сцену поднялся Каталикос - красивый мужчина лет пятидесяти с проседью в чёрных волосах и бороде - и произнёс приветствие Академии с перечислением всех её заслуг от Грузинской Православной Церкви, именно произнёс, а не зачитал - никаких бумажек. С ответной речью и, конечно, тоже не по бумажке выступил ректор Кирилл. И до чего же красиво говорили оба! Рокочущие голоса, но слова все звучат чётко, речь льётся плавно, вдохновенно, но размеренно. Высший класс! А сколько эпитетов, каждое предложение - как стихотворение в прозе.

— Ректор и Каталикос обменялись какими-то наградами, что-то вроде орденов или почётных знаков, и на этом официальная часть закончилась. Начался концерт художественной самодеятельности воспитанников и преподавателей семинарии и Академии.

— Первым номером какой-то дьякон продекламировал оду "К Богу" Державина, все остальные номера были вокальными без музыкального сопровождения, "а капелло". В хоре пел и Димуля. В первом отделении исполнялись классические произведения для хора русских композиторов, больше всего Чайковского, написанные специально для церкви или просто на возвышенные темы. Димуля сетовал, что хор у них слабенький, у большинства семинаристов никакого, даже самого элементарного музыкального образования нет, что руководитель хора (из консерватории) с ними мучается, но судя по всему мучился руководитель с ними не напрасно. Прекрасно пели, да и акустика в зале хорошая. У меня мурашки порой по телу пробегали, так хорошо пели, завораживающе просто.

— А во втором отделении исполнялись народные песни, русские, украинские, тоже торжественного характера. Но до конца досидеть мне не удалось. Время бежало, было уже два, скоро защита, Аллочка, наверное, волнуется, хотя я позвонил ей ещё из аэропорта, и выступать мне пришлось бы не раньше чем через час после начала защиты, но всё равно опаздывать не следовало. И как ни приятно мне было на концерте, пришлось уйти. С Димой мы не прощались, он обещал появиться после концерта на защите.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)